

О НЕКОТОРЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРАХ,
ВАЖНЫХ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Статья Л. А. Файнберга кажется мне примечательной в двух отношениях: а) как сводка новейших сведений о стадных взаимоотношениях обезьян, впервые привлеченных в таком объеме для реконструкции социальной структуры первобытного стада; б) как попытка показать, что социальные отношения в первобытном стаде в какой-то своей части вырастают из стадных взаимоотношений предковых форм приматов, и таким образом отказаться от созданного некоторыми историками при игнорировании биологических наблюдений мифа о безудержном животном эгоизме, только и полученном якобы человеком в наследство от своих предков.

В связи с большим размахом этологических исследований в разных странах, развитием этологических методов и разработкой теоретических подходов к изучению психики и стадных взаимоотношений у животных значительно оживился, особенно в последние полтора десятилетия, интерес к разным группам приматов. Если раньше в нашем распоряжении были две-три работы, опиравшиеся на наблюдения над обезьянами в естественных условиях, и для реконструкции их взаимоотношений в стаде использовались чаще всего довольно полные наблюдения С. Цукермана¹, произведенные в Лондонском зоопарке (почему, кстати сказать, и создалось у него и у прибегавших к его работе исследователей превратное представление об агрессивности стадных отношений — в Лондонском зоопарке в стаде гамадрилов самцов было вдвое больше, чем самок), то в последние годы поведение почти всех основных видов изучено на воле. Оно, как справедливо пишет Л. А. Файнберг, очень разнообразно и, если использовать все богатство накопленной информации, создает базу для различных моделей динамики социальных связей в первобытном стаде. Автору кажется, что наиболее пригодна для социальной реконструкции в силу своей нейтральности система отношений, господствующая у низших обезьян, почему он и приходит к отрицанию роли гаремной семьи на первых стадиях развития социальной организации.

С эволюционной точки зрения такой подход далеко не бесспорен. Правда, психика и стадные взаимоотношения у животных — все то, что изучается этологией — не полностью соответствуют уровню морфофизиологической организации, и у далеких таксонов часто бывают сходны. Но все же, если оставаться в пределах крупных таксонов, такое соответствие имеет место, и с повышением уровня морфофизиологического развития повышаются и уровень развития психики, и разнообразие внутривидовых связей. Этого соответствия тем более вероятно ожидать у приматов, у которых психический фактор играл заведомо большую эволюционную роль и отбор на лабильность, разнообразие и усовершенствование нервных связей определял магистральный путь эволюции. Морфофизиологическая близость шимпанзе и гориллы к человеку по сравнению с другими формами приматов несомненна, и поэтому данные об их стадных взаимоотношениях являются едва ли не важнейшими в рассматриваемой теме.

¹ S. Zuckerman, The social life of monkeys and apes, London, 1932.

Среди этих данных особое место по полноте, обстоятельности и тщательности аргументации занимает информация, содержащаяся в монографии Дж. Шаллера². Какие выводы можно сделать из сообщаемых им сведений? Исходные стадные ячейки были малочисленны — 10—15 индивидуумов, были очень лабильны как в отношении своей численности, так и по структуре, в них доминировали самцы. Правда, гориллы представляют собой частично специализированную форму, они уникальны по своей силе и поэтому практически не имеют врагов. Но и шимпанзе, по-видимому, более близкие, в этом отношении к предкам человека, имеют мало врагов. К сожалению, сведения об организации их стадных коллективов гораздо менее определены, чем у горилл, и допускают неоднозначные толкования. Таким образом, ни теоретических, ни эмпирических оснований отказываться от гипотезы гаремных семей в качестве биологической основы для развития социальных отношений, как это делает автор, у нас пока нет. Я подчеркнул бы только еще раз большую подвижность, неустойчивость такой формы стадных отношений, что как раз и способствовало ее жизненности.

Неопределенность положения молодых, хотя и половозрелых, самцов в обезьяньем стаде, легкость, с которой они покидают свое стадо и присоединяются к другому, наконец, стабильность поведения самок в этом отношении, их постоянную принадлежность к какому-то определенному коллективу и исключительную редкость выхода из него Л. А. Файнберг впервые, насколько мне известно, в литературе и совершенно справедливо интерпретирует как зародыш складывающихся позже матриархальных отношений. Разумеется, это не единственная их причина, но взаимоотношения полов в эволюции создают как бы предпосылки для этих отношений. Таким образом, социальные связи на самых первых этапах своего возникновения есть не столько отрицание биологических отношений, как считали многие авторы, и особенно Ю. И. Семенов³, а скорее их продолжение качественно на новом, более высоком уровне развития. По-видимому, вернее рассматривать эти связи как результат труда, а не как инструмент для обуздания зоологической агрессивности, которая в свете последних наблюдений над стадными взаимоотношениями животных оказывается мнимой. Эти наблюдения более убедительны, чем отдельные случаи травм на черепах ископаемых гоминид, которые всегда можно истолковать как следствие межгрупповых, а не внутри-стадных конфликтов.

Биологическую аргументацию в пользу стабильности женского пола в эволюции, несущего функцию поддержания постоянных характеристик вида и его сохранения, и подвижности мужского, функция которого состоит больше в поддержании видовой динамики, можно расширить. Принципиально новые исследования В. А. Геодакяна выявили именно такую роль женского и мужского полов на разных уровнях организации живого⁴. Содержанием начального этапа возникновения социальных отношений является, следовательно, не только преодоление биологического в природе человека (что бесспорно и демонстрируется всей совокупностью данных об эволюции семейства гоминид), но и развитие какого-то фундаментального принципа организации органического мира нашей планеты.

В. П. Алексеев

² G. Schaller, *The mountain gorilla. Ecology and behaviour*, Chicago — London, 1963.

³ Ю. И. Семенов, *Как возникло человечество*, М., 1966 (1-е изд.: Возникновение человеческого общества, Красноярск, 1962).

⁴ Итоговая работа: В. А. Геодакян, *О структуре эволюционирующих систем, «Проблемы кибернетики»*, вып. 25, М., 1972; там же см. библиографию предшествующих исследований.